

Предисловие

Все итальянские семьи уделяют много внимания еде, и наша семья не была исключением. Мама всегда готовила великолепно: она находила самые качественные ингредиенты и бережно их обрабатывала, следуя семейным рецептам и традициям родной культуры. Примерно четверть века назад я снял фильм «Большая ночь» — о том, как два брата-итальянца пытаются спасти свой ресторан. Все это подогревало мой интерес к кулинарии, и в результате я побывал во многих необычных местах, познакомился с незаурядными людьми и получил уникальный опыт. Повара и гурманы со всех концов света и сегодня рассказывают мне о том, как их вдохновил мой фильм. Их добрые слова и их великодушие льстят мне и даже смущают меня. Я всегда благодарен за такие моменты, и я восхищаюсь всеми, кто управляет хорошими ресторанами, занимается непростым поварским искусством или просто не жалеет времени и сил, чтобы порадовать чем-нибудь вкусным своих друзей и близких.

Моя любовь к еде и ко всему, что с ней связано, с каждым годом становится сильнее. Она побуждает меня писать кулинарные книги, участвовать

СТЭНЛИ ТУЧЧИ

в благотворительных продовольственных программах, снимать документальные сериалы. Наконец, именно благодаря еде мы сблизились с моей женой Фелисити.

Говоря откровенно, сейчас я уделяю еде и размышлениям о ней больше времени, чем актерской работе. Поэтому вполне логично, что эта моя главная страсть вылилась в еще одну форму — своеобразные мемуары. Надеюсь, они придутся вам по вкусу. (Далее последуют и другие каламбуры.)

Стэнли Туччи
Лондон, 2021

Округ Вестчестер, штат Нью-Йорк, середина 1960-х

***М**ы с мамой сидим на полу нашей небольшой гостиной. Мне примерно шесть лет. Я играю в кубики, а мама гладит белье. По телевизору идет кулинарное шоу.*

Я: А что она делает?

МАМА: Она готовит.

Я: Что?

МАМА: Готовит.

Я: Я вижу. Но *что* она готовит?

МАМА: А, ты об этом. Она готовит утку.

Я: Утку?!

МАМА: Ну да.

Я: Прямо из пруда?

МАМА: Не знаю. Наверное.

СТЭНЛИ ТУЧЧИ

Я замолкаю и продолжаю играть; мама гладит белье.

МАМА: Как ты себя чувствуешь?

Я: Кажется, лучше.

Мама трогает мой лоб.

МАМА: Похоже, температура спала.

Я: Значит, завтра надо идти в школу?

МАМА: Посмотрим.

Мы молча смотрим телевизор.

МАМА: Ты голодный?

Я киваю.

МАМА: Что тебе приготовить?

Я: Не знаю.

МАМА: Хочешь сэндвич?

Я не отвечаю.

МАМА: Сэндвич хочешь?

Я: Ну-у-у...

МАМА: С арахисовой пастой и джемом?

Я: Ну-у-у... давай.

Мама поднимает брови. Я киваю.

Я: Да, пожалуйста.

МАМА: Хорошо. Минут через десять передача закончится и я сделаю тебе сэндвич.

Я: Но я уже сейчас голодный.

Мама молча смотрит на меня и поднимает брови еще выше. Я возвращаюсь к своим кубикам.

МАМА: Помнишь выпуск, где эта женщина делала крепы?

Я: Кого?

МАМА: Крепы. Блинчики такие.

Я: М-м-м...

МАМА: Я их тоже иногда пеку...

Я: Не помню.

МАМА: Ладно, неважно. Поможешь мне приготовить их на выходных?

Я: Конечно.

Пауза.

Я: А почему она готовит утку?

МАМА: Наверное, просто любит утку.

Мы молча смотрим телевизор.

Я: А ты любишь утку?

МАМА: Я ее толком-то и не пробовала.

Пауза.

Я: А я люблю утку?

МАМА: Не знаю. Любишь?

Я: А я ее пробовал?

МАМА: Нет.

Я: Значит, не люблю.

СТЭНЛИ ТУЧЧИ

МАМА: Откуда ты знаешь, любишь или нет, если не пробовал? Сначала нужно попробовать. Все нужно попробовать.

Я: Ну-у-у... Может быть, потом попробую. Когда подрасту.

Я смотрю телевизор. Мама смотрит на меня, не в силах сдержать улыбку. Мы молчим. Наконец кулинарное шоу заканчивается, и мы идем на кухню. Мама делает мне сэндвич с арахисовой пастой и джемом, и я тут же на него набрасываюсь. Она смотрит на меня.

МАМА: Ого, да ты и правда голодный.

Я киваю, а потом начинаю говорить с набитым ртом.

Я: А что у нас на ужин?

МАМА: Свинина на кости.

Я: Фу-у-у-у! Нет. Не люблю свинину.

Мама вздыхает.

МАМА: Тогда почему бы тебе не сходить к соседям и не спросить, что на ужин у них?

Я театрально вздыхаю и продолжаю жевать сэндвич. Мама улыбается и начинает убираться на кухне.

«Чего бы вам хотелось выпить?»

Мой отец задавал этот вопрос каждому гостю, переступавшему порог нашего дома. Он любил хорошие коктейли — и до сих пор любит, а сейчас ему уже за девяносто. Он никогда не увлекался чем-то экстраординарным, но у нас дома всегда был отлично укомплектованный бар с алкоголем для любых коктейлей, которые мог попросить гость. У самого отца вкус был невзыскательным. Осенью и зимой он обычно пил скотч со льдом, летом — джин-тоник или пиво, а за обедом и ужином в любое время года, конечно же, предпочитал вино. Мне всегда нравилось смотреть, как он смешивает гостям коктейли. Когда я стал взрослым, эта почетная обязанность была возложена на меня — и я с гордостью ее выполняю.

Теперь я задаю тот же вопрос моим гостям и с огромным удовольствием угощаю их всем, что они пожелают. А еще я каждый вечер угощаю сам себя. Мой выбор зависит от времени года и от настроения. Иногда это «Мартини», иногда — водка с тоником, или холодное саке, или виски сауэр, или просто скотч со льдом... Продолжать можно до бесконечности. Но в прошлом году у меня завязался роман с «Негрони», и я рад сообщить, что наши отношения развиваются очень хорошо.

Вот мой рецепт.

«Негрони-шейк»

— 1 ПОРЦИЯ —

50 мл джина

25 мл кампари

25 мл хорошего сладкого вермута

Лед

1 долька апельсина

- Заполните шейкер льдом и влейте в него весь алкоголь.
- Хорошенько взболтайте.
- Процедите через стрейнер в коктейльный бокал.
- Украсьте долькой апельсина.
- Усаживайтесь поудобнее.
- Выпейте.
- Готово: у вас в животе вошло солнышко.

(Некоторые считают, что взбалтывать «Негрони» и подавать его безо льда — это ересь и преступление. Им не о чем беспокоиться — я и не собирался приглашать их в гости.)

1

Я вырос в штате Нью-Йорк, в Катоне — прекрасном городке примерно в ста километрах к северу от Манхэттена. Мы переехали туда, когда мне было три года, из Пикскилла — другого городка в штате Нью-Йорк с большой итальянской диаспорой, где семья моего отца поселилась после эмиграции из Калабрии. Семья моей матери, тоже из Калабрии, жила в соседнем Верпланке — городке, населенном в основном итальянскими и ирландскими иммигрантами. Мои родители, Джоан Тропиано и Стэнли Туччи Второй, познакомились на пикнике в 1959 году, и несколько месяцев спустя папа сделал маме предложение. Вскоре они сыграли свадьбу, а еще через десять месяцев родился я — они явно спешили оставить потомство. Через три года родилась моя сестра Джина, а еще через три — вторая сестра, Кристина. Мы жили в современном доме с тремя спальнями, который стоял на вершине холма в самом конце улицы и был окружен лесом. Папа заведовал отделением искусств в старшей школе соседнего городка, а мама работала в том же городке в офисе. Мы с сестрами учились в местных школах — начальной, средней и старшей.